

Л. Шестов

Апофеоз беспочвенности

**Опыт адогматического
мышления**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Шестов**
Апофеоз беспочвенности: Опыт адогматического мышления / Л. Шестов – М.:
Книга по Требованию, 2014. – 292 с.

ISBN 978-5-518-00502-0

ISBN 978-5-518-00502-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЛЕВЪ ШЕСТОВЪ

АПОΘΕΟЗЪ
БЕЗПОЧВЕННОСТИ

(ОПЫТЪ АДОГМАТИЧЕСКАГО МЫШЛЕНІЯ)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Нужно оправдываться—сомнѣнія быть не можетъ. Вопросъ лишь, съ чего начинать: съ оправданія формы или содержанія настоящей работы. На Западѣ афористическая форма изложенія—явленіе довольно обычное. Иное дѣло у насъ. У насъ полагаютъ, что книга должна представлять изъ себя послѣдовательно развитую систему мыслей, объединенныхъ общей идеей—иначе она не оправдываетъ своего назначенія... И точно, если бы книга не могла имѣть никакого другого назначенія,—то афоризмъ былъ бы этимъ самымъ навсегда осужденъ. Разрозненные, не связанные между собой мысли въ лучшемъ случаѣ могли бы разсматриваться, какъ сырой матеріаль, который можетъ получить нѣкоторую цѣнность лишь послѣ соотвѣтствующей обработки. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ недоувѣріе къ послѣдовательности и сомнѣніе въ пригодности всякаго рода общихъ идей, не должно ли явиться у человѣка отвращеніе и къ той формѣ изложенія, которая наиболѣе приспособлена къ существующимъ предразсудкамъ? Говорю по опыту. Настоящей работѣ я менѣе всего предполагалъ придать ту форму, которую она сейчасъ приняла. Во мнѣ уже до извѣстной степени успѣла вкорениться привычка къ послѣдовательному и систематическому изложенію, и я

началь писать, даже довель до половины работу, по тому же приближительно плану, по которому составлялъ и свои предыдущія сочиненія. Но, чѣмъ дальше подвигалась работа, тѣмъ невыносимѣе и мучительнѣе становилось мнѣ продолжать ее. Нѣкоторое время я и самъ не могъ отдать себѣ отчета, въ чемъ тутъ собственно дѣло. Матеріаль давно готовъ—осталась только чуть ли не внѣшняя скомпановка. Но то, что я принималъ за внѣшнюю обработку, оказалось гораздо болѣе существеннымъ и важнымъ дѣломъ, чѣмъ мнѣ казалось. Съ удивленіемъ и недоумѣніемъ я сталъ замѣчать, что, въ концѣ концовъ, „идеѣ“ и „последовательности“ приносилось въ жертву то, что больше всего должно оберегать въ литературномъ творчествѣ—свободная мысль. Иногда незамѣтное, пустячное на видъ обстоятельство — на примѣръ мѣсто, отведенное той или другой мысли, или случайное сосѣдство уже придавали ей нежелательный оттѣнокъ отчетливости и опредѣленности, на которыя я не имѣлъ никакого права и которыхъ менѣе всего желалъ. А всѣ „потому что“, заключительные „итакъ“, даже простые „и“ и иные невинные союзы, посредствомъ которыхъ разрозненно добытыя сужденія связываются въ „стройную“ цѣпь размышленій—Боже, какими беспощадными тиранами оказались они! Я увидѣлъ, что такъ писать—для меня, по крайней мѣрѣ—невозможно. Вѣдь всѣ мои собственные воспоминанія читателя говорили мнѣ, что самое обременительное и тягостное въ книгѣ, это общая идея. Ее нужно всячески вытравлять, если только не хочешь стать ея данникомъ и безсловеснымъ рабомъ, а межъ тѣмъ до тѣхъ поръ, пока сохраняется принятая форма

изложенія, идея не только будет главенствовать—но и подавлять собой все содержаніе книги. Ибо какимъ путемъ можетъ быть достигнуто единство и цѣльность въ сочиненіи? Я убѣдился, что другого исхода нѣтъ, что нужно вновь разобрать по камнямъ на половину уже выстроенное зданіе, и, рискуя возбудить противъ себя негодованіе читателей и въ особенности критики, которая, разумѣется, въ нарушеніи традиціонной формы не захочетъ увидѣть ничего, кромѣ странной причуды, представить работу въ видѣ ряда вѣнчинимъ образомъ ничѣмъ не связанныхъ между собой мыслей... Нѣтъ идеи, нѣтъ идей, нѣтъ послѣдовательности, есть противорѣчія, но вѣдь этого именно я и добивался, какъ, можетъ быть, читатель уже и угадать изъ самаго заглавія. Безпочвенность, даже апофеозъ безпочвенности,—можетъ ли тутъ быть разговоръ о вѣнчиней законченности, когда вся моя задача состояла именно въ томъ, чтобъ разъ навсегда избавиться отъ всякаго рода началъ и концовъ, съ такимъ непонятнымъ упорствомъ навязываемыхъ намъ всевозможными основателями великихъ и не великихъ философскихъ системъ. Современный законодатель мысли устанавливаетъ незыблемый принципъ: умѣть кончать. Но, попробуйте спросить его: что даетъ ему право съ такой увѣренностью провозглашать свой законъ—и вы увидите, что у него, въ сущности, ничего кромѣ „доказательствъ по аналогіи“ нѣтъ за душой. Домъ безъ крыши никуда не годится,—ergo размышленія безъ начала и конца должны быть отвергнуты. Но, вѣдь домъ и безъ печей не удовлетворяетъ своему назначенію—неужели же изъ-за этого писателямъ

обзаводиться дымовыми трубами и заслонками? Да и вообще вѣдь доказательства по аналогіи самыя бѣдныя и неубѣдительныя доказательства, собственно говоря, даже совсѣмъ и не доказательства. А межъ тѣмъ, сколько я ни напрягаю память, я не могу припомнить въ пользу законченности большѣ ни одного серьезнаго довода. Домомъ съ крышей исчерпывается все. Вѣдь нельзя же въ данномъ случаѣ ссылаться на стремленія нашего разума!? Къ чему только не стремился уже нашъ бѣдный разумъ и чего только уже не оправдывали его стремленіями! Когда-то по крайней мѣрѣ на него возлагали большія надежды—и тогда было естественно потакать его потребностямъ, даже дурнымъ привычкамъ, вкусамъ и капризамъ. Но теперь, когда всѣ такъ ясно сознали его безсиліе, когда даже метафизики взялись за естественныя науки и ни на минуту не спускаютъ глазъ съ теоріи познанія—неужели и теперь имѣетъ смыслъ считаться съ потребностями разума?! Не наоборотъ ли? Не является ли главной задачей нашего времени научиться искусству обходить (а то и разрушать) всѣ тѣ многочисленныя заставы, которыя, подъ разными предлогами, выстраивались въ старину могущественными феодалами духа и лишь въ силу вѣчнаго консерватизма трусливой и близорукой человѣческой природы и донинѣ продолжаютъ еще считаться непреодолимыми, даже „естественными“ преградами для движенія нашей мысли? Зачѣмъ кончать? Зачѣмъ послѣднее слово? Зачѣмъ міровоззрѣніе?... Разумѣется, я говорю о философіи и о философахъ, о людяхъ, стремящихся какъ можно болѣе увидѣть, узнать, испытать

въ жизни. Для обыкновенной житейской практики законченность попрежнему останется неизмѣннымъ догматомъ. Домъ безъ крыши, точно, никуда не годится... Но незаконченныя, беспорядочныя, хаотическія, не ведущія къ заранѣе поставленной разумомъ цѣли, противорѣчивыя, какъ сама жизнь, размышленія—развѣ они не ближе нашей душѣ, нежели системы, хотя бы и великія системы, творцы которыхъ не столько заботились о томъ, чтобъ узнать дѣйствительность, сколько о томъ, чтобъ „понять ее“? „Если моя теорія не согласуется съ фактами,—то тѣмъ хуже для фактовъ“, сказалъ Гегель. Мнѣ кажется, что вслѣдъ за нимъ и многіе другіе могли бы повторить эти „гордыя“ слова—но не всѣ успѣваютъ при жизни добиться гегелевской славы, при которой только и разрѣшается роскошь такой самоувѣренной откровенности. Философы естественно цѣнятъ свои системы очень высоко: нелегко онѣ имъ даются, на нихъ ухлопывается цѣлая жпань. Да и спрось на міровоззрѣніи великъ. Человѣкъ, дѣйствительно, хочетъ „понять“ міръ—и иногда такъ сильно хочетъ, что желаніе заглушаетъ въ немъ всякую способность критически относиться къ представляемымъ доводамъ, и онъ съ восторгомъ привѣтствуетъ даже слабую аргументацію. Теперь никто не скажетъ: *credo, quia absurdum*—но это не значитъ еще, что мы вполне эмансипировались отъ средневѣковаго суевѣрія. что у насъ нѣтъ своего *credo* и своего *absurdum*, только разумѣется приспособленныхъ къ духу раціоналистически настроеннаго вѣка желѣзныхъ дорогъ и электричества. Впрочемъ, не нужно даже обманывать себя иллюзіей новизны. Если порыться въ памяти, то для нашего

символа вѣры мы можемъ найти готовую формулу въ пережиткахъ далекой старины. Какъ ни дисциплинируйіте человѣческой умъ, онъ все же ухитрится подѣтъмъ или другимъ предлогомъ забратъся подѣ какую-нибудь „сѣнь“, чтобъ на досугѣ вволю предатъся своимъ порочнымъ наклонностямъ, главнымъ образомъ, *dolce far niente*. На что, кажется, беспощадно поступаетъ современная методологія! „Вѣрѣ“ строжайше воспрещено на выстрѣлъ приближатъся къ областямъ, гдѣ царитъ строгое научное изслѣдованіе. Были приняты самыя разнообразныя способы предупрежденія, дабы коварная обольстительница какъ-нибудь тайкомъ не нашла себѣ пріюта не только въ умѣ, но и въ „сердцѣ“ человѣка. „Вѣра не научна“—теперь это знаетъ даже ребенокъ, и съ школьнаго возраста насъ пріучаютъ оберегатъся отъ сближенія съ особой, навсегда скомпрометировавшей себя такими изобрѣтеніями, какъ астрологія, алхимія и т. д. И, если вы ознакомитесь съ современными ученіями о методахъ, вы уйдете отъ нихъ совершенно успокоеннымъ: сквозь частую сѣть настроенныхъ ими охранныхъ постовъ, повидимому, никакая вѣра не проберется въ душу современнаго человѣка, будь она даже незамѣтнѣе булавочной головки. Въ положительности современнаго знанія никто не сомнѣвается, даже самыя подозрительныя и искушенныя люди. Когда Толстой или Достоевскій начинали воевать съ наукой, они всѣми силами старались перенести споръ на моральную почву. Наука права, права, объ этомъ разговоръ быть не можетъ, но она служитъ богатымъ, а не бѣднымъ, она развиваетъ въ людяхъ дурныя страсти. Даже Ницше

не всегда имѣть достаточно смѣлости предъ лицомъ современной науки, и его смущала занятая ею непреступная позиція.

Но, къ счастью, все, что есть дѣло человѣческихъ рукъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается несовершеннымъ. Столѣтія прогрессивной научной работы дали блестящіе практическіе результаты, но въ области теоретической мысли новое время почти ничего не сдѣлало, хотя мы и насчитываемъ длинный рядъ громкихъ именъ, начиная съ Декарта и кончая Гегелемъ. Наука покорила человѣческую душу не тѣмъ, что разрѣшила всѣ ея сомнѣнія, и даже не тѣмъ, что она, какъ это думаетъ большинство образованныхъ людей, доказала невозможность удовлетворительнаго ихъ разрѣшенія. Она соблазнила людей не своимъ всевѣдѣніемъ, а житейскими благами, за которыми такъ долго бѣдствовавшее человѣчество погналось съ той стремительностью, съ какой измученный продолжительнымъ постомъ нищій набрасывается на предложенный ему кусокъ хлѣба. Вѣнцомъ положительныхъ наукъ считается социологія, обѣщающая выработку такихъ условій общежитія, при которыхъ нужда, горе и страданія навсегда исчезнутъ съ земли. Это ли не соблазнъ? И развѣ ради такихъ заманчивыхъ перспективъ не стоитъ отказаться отъ призрачныхъ надеждъ, которыми въ прежнія времена жило человѣчество? И на смѣну стараго *credo, quia absurdum* явилось новое, вѣрнѣе обновленное и неузнанное *credo, ut intelligam*. Нужно только понять окружающіи міръ—и величайшій идеаль, когда либо рисовавшійся человѣческой фантазіи, будетъ осуществленъ. На радостяхъ никто и не

замѣтилъ, что бѣдный человѣческій разумъ, руководимый на этотъ разъ самой наукой, этой воплощенной осторожностью и недовѣрчивостью, снова попалъ впросакъ, и что вѣра въ „пониманіе“ не имѣетъ рѣшительно никакихъ преимуществъ, сравнительно съ другими, раньше властвовавшими надъ людьми вѣрами. Да къ тому же еще идеаль, слово, предъ которымъ человѣчество чуть ли не съ колыбели своей привыкло гнуть колѣни. Гдѣ ужъ тутъ повѣрять, подозревать, допрашивать! Нѣтъ ни одного философски образованнаго человѣка, которому не было бы памятно схоластическое *credo, ut intelligam*—но всѣ убѣждены, что къ намъ оно никакого отношенія не имѣетъ, и что мы далеки отъ того младенческаго состоянія, при которомъ вѣра опредѣляетъ характеръ и направленіе умственныхъ интересовъ. Мы до того убѣждены, что научное воспитаніе предохранило насъ навсегда отъ возможности несообразныхъ увлеченій, что въ послѣднее время даже вновь разрѣшили открыто приблизиться къ себѣ бѣдной изгнанницѣ. „Это нашимъ предкамъ опасно было знаться съ вѣрой. Невышколенные и некультурные люди они не умѣли пользоваться огнемъ и всегда становились его жертвой. Мы же спокойно будемъ наслаждаться тепломъ и свѣтомъ, ибо знаемъ всѣ свойства опасной стихіи и не боимся ихъ разрушительнаго дѣйствія“. Такія и имъ подобныя разсужденія усыпили подозрительность человѣческой мысли и привели къ неслыханному дотолѣ торжеству науки. Кому придетъ теперь охота повторить старый вопросъ: въ чемъ истина? Кто не знаетъ, что этотъ вопросъ не имѣетъ никакого смысла съ научной точки зрѣнія,